

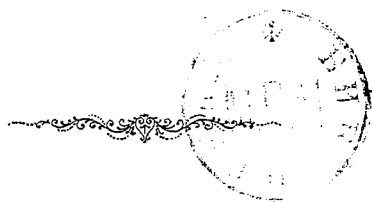
А 156
775

ВЛАДИМИРЪ СВЯТОЙ,

КАКЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ ДѢЯТЕЛЬ.

Исслѣдованіе

В. З. Завитневича.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.

1888.

А

Оттисекъ изъ журнала „Труды Киевской духов. Академіи“ 1888 г.

ВЛАДИМИРЪ СВЯТОЙ, КАКЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ ДѢЯТЕЛЬ.

Великій князь кіевскій Владимиръ Святославичъ былъ шестымъ отъ Рюрика княземъ на Руси, и при немъ русское государство вступило во вторую сотню лѣтъ своего существованія. Нельзя сказать, чтобы зерно русской гражданственности образовалось изъ совершенно неподготовленнаго историческаго матеріала; но нельзя отрицать и того, что во взаимномъ отношеніи составныхъ частей русскаго государственнаго организма на первыхъ порахъ господствовала полная рознь и обособленность: „и не бѣ въ нихъ правды, и нѣста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся“. Такими словами лѣтописецъ характеризуетъ взаимныя отношенія племенъ, признавшихъ надъ собою власть перваго русскаго князя. Эта рознь, эта обособленность не могли однакожъ долго сохранять свой рѣзкій и острый характеръ: съ появленіемъ одной общей верховной власти, взявшей на себя обязанность регулировать взаимныя отношенія отдѣльныхъ племенъ, въ жизнь послѣднихъ мало по малу должно было принимать новое государственное начало, которое должно было порождать новыя юридическія и государственныя понятія, требовавшія въ свою очередь новыхъ формъ для своего практическаго примѣненія. Двигателями этого естественнаго историческаго

Владимиръ Свѣтой.

роста русскаго государственнаго организма были, конечно, великіе князья Кіевскіе, которые первые внесли въ русскую жизнь обще-русское государственное начало и которые были его главными носителями и выразителями. Первое мѣсто между ними безспорно принадлежитъ св. Владимиру. Въковое существованіе Руси, какъ единаго государственнаго цѣлаго, не могло не подготовить почвы для выработки новыхъ формъ политической жизни, чѣмъ въ свою очередь не могъ не воспользоваться князь съ такимъ крупнымъ политическимъ талантомъ, какимъ безспорно обладалъ Владимиръ Святославичъ. Вотъ первая мысль, которая невольно рождается въ сознаніи историка, приступающаго къ изученію Владимира, какъ политическаго дѣятеля. Рядомъ съ нею выступаетъ и другая. Русь, сдѣлавшись еще при первыхъ трехъ Кіевскихъ князьяхъ сильнымъ государствомъ, при отцѣ Владимира, Святославѣ Игоревичѣ, захватила въ свои руки политическую гегемонію во всей Восточной Европѣ, а своими мощными ударами, направленными на югъ и востокъ, заставила трепетать предъ собою всѣхъ своихъ сосѣдей. Такое государство, уже въ силу объема территоріи, на которую простиралось его политическое вліяніе, не могло не привлечь къ себѣ вниманія сосѣднихъ народовъ, которые должны были спѣшить вступить съ нимъ въ ту или другую связь, въ тѣ или другія отношенія. Подъ вліяніемъ этихъ общихъ мыслей въ сознаніи историка является цѣлый рядъ частныхъ вопросовъ, разрѣшенія которыхъ онъ прежде всего ищетъ, конечно, на страницахъ отечественныхъ лѣтописей. Но эти первые поиски приводятъ его почти къ полному разочарованію. Если оставить въ сторонѣ занесенную подъ 986, 987 и 988 годами обширную, но полную легендарнаго вымысла, повѣсть о крещеніи Руси, то для характеристики Владимира, какъ политическаго дѣятеля, въ лѣтописи останется лишь нѣсколько голыхъ, отрывочныхъ фактовъ, воспроизвести на основаніи которыхъ картину славнаго княженія Великаго Преобразователя представляется рѣшительно

невозможнымъ. Эти немногіе факты, давая понять, или вѣрнѣе—почувствовать, историку, что онъ имѣетъ дѣло съ великимъ дѣятелемъ, лишь раздражаютъ его научный интересъ, не представляя достаточныхъ данныхъ для его удовлетворенія. Такое состояніе отечественныхъ источниковъ совершенно понятно. Владимиръ первый положилъ начало грамотности на Руси; онъ первый, слѣдовательно, создалъ тѣ условія, при которыхъ сдѣлалось возможнымъ появленіе у насъ писателей вообще и лѣтописцевъ въ частности. Когда же они появились, проникнутые чувствомъ благодарности къ великому просвѣтителю Русской земли, они поспѣшили записать о немъ все, что было доступно для нихъ и что они находили цѣннымъ; но во первыхъ, они не были современниками Владимира и вынуждены были писать съ чужихъ словъ, во вторыхъ, будучи людьми исключительно духовными, они по своему умственному складу не могли особенно интересоваться политическою дѣятельностью этого князя, великое историческое значеніе которой имъ трудно было понять и оцѣнить. Тѣмъ не менѣе наши отечественные источники, лѣтописи и отдѣльныя сказанія, для исторіи княженія Владимира представляютъ научный матеріалъ, самый значительный въ количественномъ и самый цѣнный въ качественномъ отношеніи. — Гораздо бѣднѣе въ этомъ отношеніи источники иностранные. Показанія напр., скандинавскихъ сагъ представляютъ весьма мутный источникъ, и ими приходится пользоваться съ большою осторожностью. Прямое отношеніе къ исторіи княженія Владимира имѣетъ сага объ Олавѣ Триггвіевѣ сынѣ. — Нѣсколько цѣннѣе данныя, встрѣчающіяся у западныхъ лѣтописцевъ, хотя и они крайне незначительны. Вниманія русскаго историка заслуживаютъ собственно извѣстія, занесенныя въ хроніку Титмара, епископа Мерзебургскаго, и письмо миссіонера Бруна или Брунона къ нѣмецкому императору Генриху II Благочестивому. Что же касается рѣзказней римскаго кардинала Петра Даміани и французскаго монаха Адемара о никогда небывалыхъ успѣхахъ римско-католиче-